

КОРНИ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Раввин из Коканда

**Продолжение.
Предыдущие публикации
в №№ 378 – 384**

После этого Яков принял за процедуру, которую совершал еженощно. Он всегда подвергал себя перед сном гипнозу, чтобы полностью восстановиться за короткие 4 часа, что позволяло ему быть предельно бодрым и плодотворным остальные 20 часов. Сперва он дал всем наружным частям своего тела установку полностью расслабиться. Когда это произошло, Яков стал очищать память от всех тех неприятных событий, которые произошли с ним сегодня. Ибо эти события, оставшись в его подсознании, могли помешать крепкому сну. После этого он дал установку дыханию быть глубоким и ровным, замедлил работу сердца, отключил на 99 процентов слух от внешних шумов, дал задание подсознанию пробудить организм ровно через 4 часа, отключил на 99 процентов мозг. И уснул.

В 4 часа утра Яков проснулся. В камере было тихо. Грязные лампочки по-прежнему тускло глядели на Якова. «Сколько мучений вы здесь уже перевидали, - мысленно обратился к ним Яков. - И сколько вам предстоит еще увидеть...» Яков осторожно повернул голову, чтобы посмотреть на Баруха. Барух спал спокойно, улыбаясь во сне. «Послан ли я сюда ради Баруха? - подумал Яков. - Никто не знает Его намерений. У меня такое чувство, что Баруха скоро освободят, а меня выпустят не скоро. Если так, значит, я послан сюда не только ради Баруха».

Яков почувствовал зловонный запах в камере. «Наверное, кто-то забыл закрыть крышку от туалетного бачка», - подумал Яков. Он осторожно встал и направился в сторону туалета. Повернув направо, обратил внимание, что место на полу перед занавеской, где вчера находились опущенные, пустует. «Странно. Где они? Может быть, кто-то их них сидит в туалете на бачке, поэтому в камере и стоит такой отвратительный запах. А где же тогда второй?» Яков вдруг заметил, что сверху на креп-

лении занавески что-то висит. Присмотрелся. Похоже на самодельную верёвку, сплетённую из простыней. Вчера её не заметил. Яков нагнулся и посмотрел под занавеску. Под занавеской не было видно ничьих ног. Значит, там никого нет, решил Яков. Он отдернул занавеску и - застыл на месте. На самодельной верёвке, обмазанной нечистотами, висел опущенный с петлёй на шее. Его руки тоже были обмазаны нечистотами. В голове замелькали мысли: «Повесился! А может быть, повесили? А где другой опущенный?»

Яков внимательно всмотрелся в лицо опущенного. «О Б-же милостивый, неужели это Ишмаель?!» - не веря своим глазам, произнес он шёпотом. Теперь Яков понял, почему вчера опущенные сидели к нему спиной и ни разу не повернули головы в его сторону. «Да, точно: это заместитель директора кокандской школы по прозвищу Ишмаель-нечестивец, сын Исахаара».

Яков закрыл глаза, чтобы снова воссоздать в памяти одно из самых ужасных событий, происшедшее три года тому назад. Это было в день пасхи в синагоге, принадлежащей его другу и соратнику - раввину Давид-Хаиму из рода Яхуды. Помещение и двор синагоги были полны людей, совершающих молитвенные обряды. Неожиданно во двор забежал восьмилетний мальчик, один из бывших учеников Якова - Абраам, сын Ханаана. Он впопыхах сообщил своему отцу, что в сторону синагоги направляется большая группа людей. Посреди этой толпы верхом на ишаке сидит задом наперёд человек, на голову которого наброшен сисит. Руководит этой толпой зам. директора школы Самуил Захарович. Они, возбуждённые, идут по улицам еврейского квартала, и Самуил Захарович, указывая на человека в сисите, громко кричит: «Братья! Евреи! Почему вы позволяете одурманивать ваших детей! Сколько вы можете терпеть рабство религии, к которому они вас призывают! Эти люди - враги народа, враги советской власти, враги советских школ! Они учат ваших детей делать то, что наши школы отвергают! Они навязывают вашим детям устаревшие взгляды! Они учат ваших детей служить богу, служить религии! Они снова хотят превратить ваших детей в рабов! Позор

тем евреям, которые поддерживают их!»

Отец мальчика - Ханаан Ильяев тут же сообщил об этом событии раввину - Давид-Хаиму Ягудаеву. Встреченный раввин Давид-Хаим попросил всех людей, находившихся в синагоге, немедленно покинуть её, объясняя свою просьбу тем, что, возможно, эта демонстрация организована работниками НКВД, поэтому люди, находящиеся в синагоге, и их семьи могут пострадать.

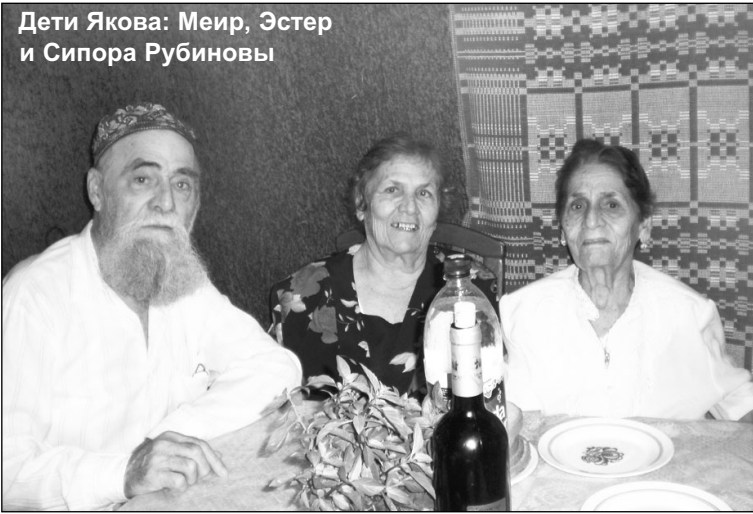
Через минуту в синагоге никого не осталось, за исключением Якова и самого раввина. Давид-Хаим так и не

демонстрантов, Ишмаель, подскочил к Якову и Давид-Хаиму и неистово завопил: «Что!? Вы называете это дурманово логово святым местом? Это место дьявола! А вы - слуги дьявола, сбивающие своей религией с праведного пути советских еврейских детей!»

Тем временем демонстрантам удалось затянуть ишака в помещение. Ишмаель указал на полки вдоль стен синагоги и закричал, обращаясь к демонстрантам: «Вот этими книгами они дурманят наших детей! Уничтожьте их!»

Демонстранты рванулись

Дети Якова: Меир, Эстер
и Сипора Рубиновы

смог уговорить Якова оставить синагогу. Тот отказался сделать это, заявив, что, в первую очередь, он не может оставить своего друга одного в таком положении. Во-вторых, он совершенно не боится пострадать в святом месте за праведное дело. А в третьих, всё, что сейчас произойдёт, все равно неизбежно должно было произойти. «И что бы там ни было, - сказал он Давид-Хаиму, - мы должны выдержать все эти испытания, чтобы показать свою любовь к Б-гу, чтобы он не отвернулся от нас и от нашего народа».

Через минуту во двор и помещение синагоги стали входить демонстранты. Среди них Яков и Давид-Хаим узнали нескольких евреев - преподавателей городских школ, детских домов и работников Минпроса.

Несколько человек пытались затянуть в помещение ишака. Яков и Давид-Хаим бросились к двери, стараясь преградить проход своим телом. Яков воскликнул: «Люди, что вы делаете? Вы не можете осквернить святое место! Не заводите сюда животное!» Но Яков с Давид-Хаимом были тут же оттеснены в сторону и прижаты к стене толпой демонстрантов. Один из предводителей

к полкам, схватили книги, стали рвать их на части и бросать под ноги ишака.

Яков и раввин тщетно пытались вырваться из толпы демонстрантов, чтобы остановить людей. Потом они стали наперебой кричать: «Люди! Одумайтесь! Что вы творите? Не делайте этого! Вы накликаете на себя кару Господа! Вы подвергаете себя опасности пребывания в невыносимых мучениях и на том и на этом свете! Вы подвергнете жестоким наказаниям не только самих себя, но и многие поколения ваших детей, внуков и правнуков!»

Казалось, что эти предупреждения не только не приостановили демонстрантов, а наоборот, увеличили их энтузиазм. Они начали кидать книги в окна, разбивая стёкла, срывать со стен ковры и занавеси.

Под конец, когда на полках не осталось ни одной книги, Ишмаель вынес свиток Торы, подошёл к ишаку и, обращаясь к Давид-Хаиму и Якову, воскликнул: «Итак, вы здесь пророчествуете всем нам наказания!? Ну что ж, посмотрим! А пока смотрите вы! - он приподнял Тору и провел ею под хвостом ишака, а потом два раза ударил ишака по заду Торой и бро-

сил её ему под ноги.

«О Б-же! - вскричал Давид-Хаим, подняв руки вверх. - Прости потомков людей этих, ибо эти люди сами не ведают, что творят!»

Яков, обычно владеющий своими эмоциями, увидев эту сцену с Торой, от потрясения потерял дар речи...

Когда демонстранты разошлись, Яков вышел во двор, обессилено сел на землю и горько, громко зарыдал. Он долго не мог остановиться. Его рыдания можно было сравнить с плачем беспомощного младенца, которого незаслуженно обидели, причинив ему невыносимую боль...

...Очнувшись от тяжелых воспоминаний, Яков снова посмотрел на висевшее тело Ишмаеля и мысленно обратился к Г-споду. «О Вс-вышний! Не для того ли я был послан сюда, чтобы стать свидетелем столь позорного, низкого падения этого человека? Не для того ли я был послан сюда, чтобы увидеть, как жестоко наказан этот человек властями, которых он так боготворил? Не для того ли я послан сюда, чтобы явиться свидетелем столь сурового возмездия за дела, совершенные им в Доме Г-споднем?»

Яков резко задёрнул занавеску.

Что делать? Нужно срочно сообщить пахану, т.е Саморубу. Пройдя назад и повернув налево, между нарами, Яков остановился как вкопанный. Под окном, на точно такой же верёвке, с петлёй на шее висел второй опущенный. Яков подошёл ближе и увидел, что правая рука повешенного была в пятнах засохшей крови.

Яков медленно перевел взгляд на нары, где спал Саморуб. «О Б-же! - содрогнулся он. - Что же это творится?!»

Саморуб лежал на нарах с открытым ртом, заполненным парашей. Глаза были закрыты, из груди торчал какой-то металлический предмет, запятнанный кровью. Грудь Саморуба тоже была покрыта засохшей кровью...

Яков оцепенел. Придя в себя, пригляделся к предмету, торчащему из груди убитого. Это был самодельный нож, изготовленный, похоже, из алюминиевой вилки или ложки. Теперь Яков ясно представил себе картину случившегося. Опущенный, труп которого висит под окном, вонзил нож в сердце спящего Саморуба. Другой опущенный заполнил рот трупа парашей. Зная, что им не избежать жестокой расправы, они повесились.

Продолжение следует